

**ЧИТАЙТЕ
В НОМЕРЕ:**

«ПРИВАЛ»
ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕ-
СКИЙ ВЫПУСК
2—3 стр.

КАК ПРИНИМАЮТ
В ИНСТИТУТ

1 стр.

ФУТБОЛ:
«ЗЕМЛЯ ИРКУТСКАЯ
— ЗЕМЛЯ ФУТБОЛЬ-
НАЯ»

4 стр.

ФИНАЛ «КОЖАНОГО
МЯЧА»: «БАЙКАЛ» —
ПОБЕДИТЕЛЬ»

4 стр.

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

ОРГАН ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 85 (6076)

Четверг, 25 июля 1968 г.

Цена 2 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГЛАВНОЕ- СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Об альманахе «АНГАРА», Год 1968

Вышли из печати два очередных номера альманаха «Ангара». Как и прежде, материалы в них объединены традиционными рубриками: «поэзия», «проза», «публицистика», «литературная критика». Вместе с тем, оба номера объединяет не эта внешняя схема-композиция «Ангара», а общность поставленных в ней проблем. Они очень остры, своевременны, проникнуты заботой о сибирской земле и человеке, вращенном ею. Читатель почти не ощущает жанрового «барьера», отделяющего пьесу А. Вампилова «Предместье» и повесть В. Гусенкова «Семь дней романтики» от острых публицистических очерков Ю. Скопа «Молчат ружья» и В. Тимофеева «Без хозяина». Заботой о человеке, о богатствах нашего края объединены разнообразные статьи, рассказы, очерки альманаха. Самое главное наше богатство — человек. Сибирский характер высвечен статей генерал-майора В. А. Гончарова «Воины-забайкальцы верны своим традициям», очерком Е. Бердик «Проходчик литературных руд» (о Е. Д. Петряеве), статьей В. Попова и другими материалами.

«Мир и человек» — эта проблема объединяет оба рецензируемых номера, создает впечатление единства включенных в него материалов, их завершенности.

Советский читатель и театральные зрители знает, какие непреодоленные трудности переживает еще наша драматургия, особенно ее сатирические жанры. На XIX съезде партии ставился воп-

рос о необходимости развития сатирических жанров, но обстановка куклы личности не способствовала их развитию. Известно, какой ущерб нанесла драматургии теория бесконфликтности. «Драма, — говорил Горький, — самая трудная форма искусства», преодоление ее отставания — одна из важнейших задач.

Комедия А. Вампилова «Предместье», опубликованная во втором номере «Ангара», обращает на себя внимание прежде всего остротой поставленных в ней проблем. Жизнь нашей городской окраины, предместья все чаще начинает привлекать внимание советских писателей. Совсем недавно отшумели споры вокруг повести В. Семина «Семеро в одном доме», и появились новые острые рассказы и повести вологодского писателя Василия Белова, где проблема «окраины», ее обитателей поднята на уровень острейших обобщений и выводов. С разных сторон и по-разному волнует она Лихоносова, Астафьева, Якубовского и других художников, но всегда в центре их внимания — человек.

Герой А. Вампилова, каким мы уже знаем его по пьесе «Прощание в июне» и маленьким рассказам автора, всегда сложен, первое знакомство с ним иногда отталкивает и ошеломляет, но читатель постепенно обнаруживает в нем доброе, человеческое, часто маскируемое прошлостью, бравадой, нелепостью поведения.

Любить хорошего человека — легко. Увидеть светлое и доброе в человеке,

«заросшем жизнью», — трудно, в этом и проявляется особый гуманизм молодого драматурга.

Герой «Предместья» Бусыгин пытается жить по принципу: «Никогда не говори правду, если в этом нет крайней необходимости. Из мухи надо уметь сделать слона, а из слона — велосипед, только тогда ты проживешь без неприятностей». В острокомедийных ситуациях раскрывается следование героя этому принципу. Легко удается ему убедить Сарафанова в том, что он — его сын, и извлечь отсюда все необходимые блага: теплый ночлег, выпивку.

Еще Пушкин подчеркивал, что в настоящей комедии действие нередко перерастает в трагедию. Трагикомичен в пьесе Сарафанов, бывший фронтовик, легко допускающий мысль, что у него может быть сын, ибо была оставлена когда-то женщина, по отношению к которой не было в его душе сознания долга или вины.

В пьесе намечена эволюция Бусыгина, встретившегося с настоящим чувством. Его отношение к Нине освещает образ с новой, неожиданной стороны. По сравнению с холодно расчетливым Кудимовым, всегда бывавшим опоздать, все взвешивающим и равнодушным ко всем окружающим, Бусыгин решителен, смел, находчив: что станет с ним дальше — это решить дано самому читателю.

Пьеса остроинтересна, смела сюжетными поворотами и неожиданными острокомедийными ситуациями, характеры Бусыгина, Сильвы, Васеньки, Кудимова, Сарафанова очерчены рельефно, рукой художника, знающего жизнь. Пьеса сценична, насыщена глубоким подтекстом.

Герой повести Вл. Гусенкова «Семь дней романтики» Ступин — человек иного склада. Это — честный, бескомпромиссный солдат, приехавший на крупную сибирскую стройку с самыми радужными надеждами, с романтическими представлениями о ней. Столкновение со стяжателем Власом, равнодушное отношение к фактам бесхозяйственности, бездуховность некоторых обитателей стройки больно ранят Павла, но и закаляют его. Он отвергает

(Окончание на 4-й стр.)

ГЛАВНОЕ— СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

(Окончание. Нач. на 3 стр.)

малодушное стремление бежать, принимает жизнь во всей ее сложности. Характер героя завершают финальные строки повести: «его испугал завтрашний день».

— Слютяй! — сказал он почти с насмешением и еще трижды повторил это слово, и только потом огляделся. Место было незнакомое. «Ничего. Обживемся, — подумал он, — а там еще будет видно».

Комсомольско-молодежная стройка... Немало хорошего и светлого написано о ее людях. Вл. Гусенков, сам работавший на строительстве в Братске, подошел к этой теме с другой стороны. Его взволновали факты бюрократического отношения к делу и людям, с которыми могут быть связаны самые большие — человеческие потери. Но если эти факты и единичны — они должны привлекать непримиримое внимание общественности.

Повесть своеобразна в сюжетно-композиционном отношении. Сюжета в обычном смысле здесь нет, развитие действия держится на мысли, раздумье, снах, диалогах.

От понедельника к воскресенью немало было встреч, столкновений, неожиданностей, определивших окончательное решение Ступина. — его главную идею сопротивления трудностям. Но развитие мысли в повести не всегда обложено в образную ткань, иногда она «выламывается» из нее, обретает форму некоего «привеска», отяжеляющего произведение.

— Такие махины, которые мы сейчас строим, одним энтузиазмом не возмешь.

— А чем?

— Научным подходом.

— Кто это тебя так просветил?

— Неважно.

Подобные диалоги встречаются и в других местах «Семи дней романтики». Их могло быть меньше. Лирико-сатирической структуре повести, окрашенной иронией автора, столь обнаженная публицистичность противопоказана.

Вл. Гусенков ироничен. Это его свойство диктует необходимость поисков своеобразного сюжетно-композиционного и образного строя его прозы. Глазами котенка, прижившегося в рабочем общежитии, оцениваются, например, поступки героев в последней повести автора «Между двумя рассветами» (которая, заметим в скобках, слабее «Семи дней романтики»). Это — нелегкий прием, и не всегда автору удается сохранить в его прозе налет легкого юмора. Иногда он начинает тяжелесть и выливается в неудачное словотворчество — «оподонился», «блестяние будильника», «мурлыкиада» и т. д. Но эти недостатки — свидетельство трудных поисков молодого автора. Что же касается его привязанности к такой нелегкой теме, как стройка, жизнь ее коллектива — она обнаруживает мужание писателя. Об этом же свидетельствуют и интересные художественные находки автора.

В разделе «Проза» привлекают внимание рассказы В. Попова «Над обрывом» и «По закону». Они пронизаны горящей любовью к человеку, согреты теплым юмором, лаконичны, прозрачны по языку.

Многозначна символика скупого пейзажного рисунка, открывающего рассказ «Над обрывом». Подмывает река берег у дома бабенщика Горюнова. Она смыла баню и несколько деревьев, и лишь одна березка судорожно цепляется за берег корнями...

Нелегко сложилась жизнь героя. Он был уже мужем и отцом, когда неожиданно пришла любовь. Она опалила Горюнова и сделала совсем бесцветной прошлую и будущую жизнь... Читатель проникается глубокой любовью и состраданием к женщине, не пожелавшей жить подкачками с чужого стола, и к бабенщику Горюнову, не решившемуся разрушить семью и принести в жертву собственное счастье.

Внешне события рассказа непримечательны, но развитие психологического действия в нем стремительно и драматично. Выразительны, впечатляющи встречи Горюнова с матерью Вари, с новым неожиданно появившимся бабенщиком, от разговора с которым «сердце Федора остановилось», а потом он «долго лежал, глядя пустыми глазами в серое осеннее небо». А как многозначен, богат подтекстом диалог!

— Папа, почему ты меня раньше на реку часто брал, а теперь давно уже не брал?

— Жестокий ты человек, Егорка, — вздыхал ему в ответ Федор, глядя головку сына. — Вот погоди, прояснит маленько...

Привлекает внимание и другой рассказ В. Попова «По закону», герой которого цыган Василий трудно, мучительно оживает в оседлый быт. Неожиданно озарившая его жизнь, привязанность к жеребенку, толкнувшая на воровство и принесшая немало горьких забот, правдиво и трогательно раскрывает перед читателем душу «смешного и печального племени яростных», неприспособленных, бессильных жить в этой суетной жизни людей.

Рассказ Геннадия Машкина «Распадок» вызывает двойственное чувство. С одной стороны, в нем сочно выписаны быт и взаимоотношения людей из геологического отряда в тайге. Автор владеет искусством полутонов, он поворачивает нам своих героев с самой неожиданной стороны. Студент-филолог Володя внешне слаб и сам иронизирует над своим тщедушием, но он окажется настоящим мужчиной в схватке с пошляком Олеандром. Ерш — внешне сильный и дельный, раньше других проявит слабость. Но здесь автору изменяет чувство меры. История со съеденной Ершом собакой выглядит как искусственный прием, нужный автору для заданного вывода. Мало правдоподобна история появления Володи в отряде: он изучает нрав своего соперника.

«Таежные» коллизии не новы в советской литературе. От Б. Пильняка до А. Якубовского использовались они в разных целях. Использование столь традиционного приема требует особой тщательности в отборе материала, строгого чувства меры, которое иногда изменяет

автору рассказа.

Интересно заявил о себе как публицист Ю. Скоп. Несколько его статей («Страсти о пустом патронташе», «Открытки с тропы») опубликовано в журнале «Юность». «Ангара» напечатала его очерк «Молчат ружья», проникнутый гневом, болью, тревогой за судьбу Байкала и исчезающую добрую охотничью профессию. Публицистика Ю. Скопа своеобразно сюжетна. Выразительным вступлением, увертюрой к очерку является рассказ об утках-хлопунцах, опаздывающих к перелету.

Не первый раз писали у нас о Байкале, и «ей-богу, до чего же не хочется останавливаться в роли хлопунцовой утки и зазря носиться пером по бумаге», — замечает автор очерка. В нем удачно соединены судьбы людские, статистические данные, личный опыт автора, побывавшего и пожившего в этих местах в роли егеря. Очерк смело вторгается в жизнь, открывает глаза на жизненно важные стороны наших взаимоотношений с Природой.

Статья В. Тимофеева «Без хозяина» удачно дополняет с экскурсами в прошлое выводы, сделанные Ю. Скопом, ставит еще более остро проблему сохранения, рационального использования, государственного подхода к природным богатствам.

Но не все материалы в разделе «Проза» равноценны по содержанию и форме подачи. Путевой очерк Т. Коржановского «Пятеро на борту по своей воле» несет мало информации, беден фактическим материалом. Неясна статья Б. Кислова «С позиций актуальности». Она начинается раздумьями о причинах отставания литературной критики, а заканчивается попыткой дать анализ сборника «Социалистический реализм и проблемы эстетики». Выбор именно этого сборника не обоснован, а в оценке отдельных статей, включенных в него, Б. Кислов скорее идет за авторами и пересказывает их положения, чем дает анализ их трудам.

Навязчиво однообразна манера подачи материала в статье Т. А. Перовой-Чиковой «Спасенные шедевры живописи». Интересно раскрывая творческий портрет Ю. В. Невзорова, подарившего Иркутскому музею пятьдесят два шедевра живописи, автор всякий раз оттеняет значимость того или иного замечания: «уникальное произведение, имеющее этапное значение», «уникальный и интересный пример его портретного творчества», «стал обладателем уникального произведения», «ряд ценнейших и уникальных», «несколько уникальных произведений» и др.

Подобное нагнетание однообразных приемов оставляет досадное впечатление, тем более, что статья в целом очень интересная и глубокая, любовно раскрывающая творческий облик замечательного собирателя художественных ценностей.

Интересна статья Е. Шестиной «На Лену за песнями», помогающая представить, какие ценные залежи народной мудрости хранит Лена. Но страдает она описательностью. Ведь разведка темы, какой представляется данный очерк, вовсе не исключает необходимых выводов о взаимоотношении традиций и новаций, о том, какие жанры фольклора и почему «канули в лету», каким суждено жить и развиваться? Разумеется, такие данные у автора есть, и редакции следовало совместно с автором поработать над тем, чтобы оттенок созерцательности, имеющий место в очерке, уступил место иным эмоциям.

Интересен в альманахе раздел «Поэзия». Он представлен стихами поэтов, павших в годы Великой Отечественной войны, стихами нашего земляка Ю. Левитанского и произведениями совсем молодых — В. Захаровой, А. Кобенкова, Е. Юдковской.

Поэзия военных лет все чаще появляется на страницах периодической печати, раскрываясь во всем своем объеме и разнообразии. Читатель благодарен редакции сборников «День поэзии», «Литературного наследия» за периодическую публикацию новых стихов, созданных в годы войны. Редакция альманаха вполне уместно пополняет эту поэтическую летопись грозных лет, публикуя стихи Георгия Суворова, Джека Алтауэна, Иосифа Уткина, Моисея Рыбакова.

Содержательны новые стихи Ю. Левитанского, объединенные циклом «Кинематограф». В них гармонично соединились обыденность картин, наблюдаемых в мире поэтом, и глубокое философское омысление мира и своего места в нем.

Выброшенная после празднования нового года елка, женщина, первый раз весной открывающая окно, уходящий поезд... Начало жизненного пути лирического героя совпало с началом истории кино. Жизнь — кинематограф, где стремительно сменяются кадры — этот образ становится очень емким, вбирая в себя горечь утрат, счастье находок, готовность, хоть это и трудно, «действующим быть лицом в этой драме».

Философская наполненность стиха, неторопливая ритмическая интонация, неожиданные повороты мысли, и при этом всегда строгость формы и простота — признаки зрелости поэта.

В этом смысле стихи молодых поэтов — В. Захаровой, Е. Юдковской и А. Кобенкова (за небольшим исключением) невыгодно отличаются на этом фоне мелкотравчатостью выводов и обобщений.

60-е годы, особенно вторая их половина, отмечены значительным притоком в большую литературу писательских сил из провинции, если еще применимо это понятие к характеристике отдаленных от центра районов. Иркутская писательская организация в последние годы пополнилась молодыми писателями, активно отвоёвывающими свое место на страницах центральных периодических изданий. Альманах «Ангара» многим из них дал путевку в жизнь. Два последних его номера в значительной части своей сделаны руками молодых. Не потому ли так ошущима в них поэзия нашего края, его тревоги, беды и радости? Ощущение неповторимой свежести и новизны восприятия мира остается от чтения «Ангара» 1968 года.

Н. МЕДИТНИК.